Цензурирование в интернете: экономические и эмоциональные контраргументы

Завершающая часть статьи о цензуре в интернете. Две предыдущие части:

- Цензурирование в Интернете: классификация сторонников, причин и базовых позиций.
- Цензурирование в интернете: контраргументы технические.

Экономические аргументы

Все экономические аргументы "против блокировок" в значительной степени проистекают из тех технических проблем, которые были очень подробно изложены выше.

Во-первых, необходимые инфраструктурные изменения построения "сетей передачи данных" будут весьма и весьма дорогостоящими. Стоимость необходимого количества оборудования для построения систем фильтрации контента будет выражаться в астрономических цифрах. Кроме того, потребуются колоссальные затраты на рабочую силу – нужно будет нанять огромное количество людей, занимающихся "отбором запрещенного контента". Потом, когда (и это именно правильная постановка вопроса – "когда", а не "если") блокировки станут достаточно сложными и изощрёнными, нужно будет нанимать контролирующих цензоров, чиновников. А затем, "сторожей, которые будут сторожить сторожей". И так бесконечно.

Разумеется, указанные затраты будут сильно разниться от одной цензурной схемы к другой. И от страны к стране. Но затраты будут всегда вовсе не копеечными.

Во-вторых, очень важно подчеркнуть наличие скрытых затрат. Эти затраты понесут прежде всего интернет-провайдеры (и, следовательно, их клиенты), которые будут обязаны участвовать "в строительстве фильтрующих систем". Интернет-провайдерам, которых обязали осуществлять фильтрацию контента на своих сетях, придется оплачивать счета.

Что и произошло в России (Напомню, что этот материал – "переклад" статьи от 2013 года). Вся деятельность по фильтрации, созданию цензурных систем переложена на бюджеты "третьих лиц" – интернет-провайдеров.

По логике изложения – обременение интернет-провайдеров созданием систем интернет-фильтрации должно было создать сильнейшее антицензурное лобби. Однако, в России этого не произошло.

Слабые позиции операторов связи привели к тому, что операторы несут финансовые потери. Но при этом сделана попытка использовать "гибкую фильтрацию" по отношению к абонентам – те операторы, которые манкируют жёсткими условиями фильтрации, получают некоторые конкурентные преимущества.

Это явление было замечено неоднократно. Когда, например, Ростелеком осуществляет процесс блокировок не столь жестко, как операторы, имеющие меньше ресурсов.

Это приводит к тому, что мелкие провайдеры становятся более уязвимыми и несут большие относительные затраты на создание "фильтров". Но политического и экономического влияния у этой группы гораздо меньше, чем у телеком-гигантов.

Отмечу, что гипотеза польского активиста не подтвердилась и схема с требованием отрасли возмещения расходов на системы фильтрации от государства признана нежизнеспособной.

Но это совсем не обязательно, что выхода из сложившейся ситуации нет.

Очевидно, что интернет-провайдеры должны каким-то образом защищать свои экономические интересы и, возможно, в этом могут помочь требования общественности обеспечения более прозрачной схемы организации систем фильтрации.

Но пока отрасль несет убытки и не обнаруживает признаков попыток защиты своих интересов.

Но то, что государство при этом не несет затрат – очевидная ложь. В процессе блокировок задействовано достаточно большое количество чиновников, прежде всего по линии "надзора". В России – это Роскомнадзор и ФГУП "Государственный Радиочастотный Центр".

Философские аргументы

Тема блокировок окружена философскими экзерсисами. В том смысле, что многие упражняются. И все философические упражнения по большей части сводятся к вопросу о том, что "цель (то есть блокирование детской порнографии или любой другой предлог) оправдывает средства (капитальные

вложения в инфраструктуру, нарушение свободы слова и право на неприкосновенность частной жизни)".

Разумеется, главными антицензурными философскими аргументами являются гражданские права. Право на неприкосновенность частной жизни, свободу слова, тайну переписки – это неотъемлемая часть большинства международных кодексов и деклараций. И это очень сильный аргумент.

Однако для того, чтобы цензурные ведомства (но главное – широкая публика!) понимали последствия своей деятельности – крайне важно провести черту между "реальным миром" и "виртуальным миром". Может быть, не существует таких границ? Или наоборот – мир "виртуальный" является прямым следствием реальности?

Для каждого технически грамотного человека это различие не существует, и ясно, что это только фигура речи. Однако для большинства сторонников интернет-цензуры это различие кажется реальным. На самом деле, такое отношение является стимулом цензурного движения. Это означает, что действующие законы, положения и декларации гражданских прав не работают в "виртуальной реальности". Киберпространство воспринимается как tabula rasa ("чистая доска"), абсолютно новый доминион, где необходимо создавать новые правила, и, следовательно, вполне нормально вводить решения, которые в "реальном мире" считаются неприемлемыми.

И возможно здесь будут к месту примеры физического мира: классический – перлюстрация почтовых сообщений, например. Чтение ваших личных "бумажных писем", – отличная метафора фильтрации и слежки в Интернете.

В то же время, существует вопрос о "реальности" киберпространства. Это очень тонкая материя, которую не до конца понимают сторонники интернет-цензуры. Тот факт, что для них Интернет является "виртуальным" пространством, означает, что слежка и цензура здесь тоже как бы "понарошку". А раз все "не взаправду", то и слежка не может ущемлять "реальные" гражданские права. Любопытно, что про-цензурные акторы здесь не совсем адекватны – то есть, как только начинают говорить о вреде, наносимом отрасли цензурным вмешательством, то следует ответ (или подразумевается), что так как мир "виртуален", то и последствия "понарошку". В то же время, восприятие от "виртуальной угрозы" (напомним, что речь идет только об информации – изображения с "мерзкой порнографией" никак не могут стать реальным событием) – то тут же сознание превращает картинки в реальность. То есть, рассматривается как "реальный" ущерб, нанесенный "реальным" людям, но проходящий в "виртуальном мире". Здесь есть что-то шизофреничное, да.

По сему, стоит постоянно напоминать в таких дискуссиях, что либо вред в "виртуальном мире" является "реальным", и, следовательно, цензура в Интернете неприемлема. Либо вред является плодом воображения, но тогда в цензуре нет никакой необходимости. Но это очень сложно аргументировать без подкрепления эмоциональными аргументами.

Кроме того, нужно понимать, что блокировки никак не помогают ловить реальных злодеев. И даже мешают. Сами судите – оперативники много месяцев пытались поймать, например, наркоторговца. Собирали доказательства, использовали современные методы расследования с использованием, в том числе, средств "законной прослушки" (lawful interception). И вдруг, ВНЕЗАПНО, ресурс блокируют, злодеи понимают, что попали в "черные списки" и "сбрасывают контракты" на хостинг, сервера, VPN-средства, мобильные телефоны и другие средства связи.

И оперативникам нужно начинать все сначала. Потому что теперь все это не имеет значения. А злодеи просто открывают "свежие контракты", на которые необходимо опять накапливать доказательную базу, обращаться в суды за разрешением "законной прослушки" и пытаться сопоставить всю накопленную доказательную базу с новыми исходными данными.

Блокировка опасного содержимого – это замести проблему под коврик.

Проблема просто становится менее заметной, но реализация блокировок совсем не означает, что "запрещенная информация" куда-то исчезла из Сети. А с учетом того, что любая блокировка обходится при желании или необходимости, то это означает, что "запрещенная информация" все равно остается доступна тем, кому хочется получить к ней доступ.

Можно сколь угодно надувать щеки про "закрытие информации для 95 процентов населения", но нужно понимать, что именно вот этим 95 процентам "закрытая информация" просто не интересна. И не нужна. Но вот тем оставшимся пяти процентам пользователей интернета, которые являются потребителями "запрещенки", сам факт блокировки становится по сути рекламой. Запрещено, значит интересно. И при наличии навыков обхода блокировок – вполне себе доступно.

Политики, чиновники и та самая "широкая общественность" могут сколь угодно долго убеждать себя и друг друга в том, что, если противоправный контент заблокировать, то "проблема решена". Но в реальности наркотиками будут продолжать торговать, а дети по-прежнему подвергаются сексуальному насилию. При этом преступников становится труднее найти, что приводит к меньшему

стремлению решить проблему. И меньше данных для исследователей и правоохранительных органов.

Еще раз: блокировка действительно опасного противоправного контента абсолютно не означает, что контент куда-то исчез. Это означает только то, что преступники переехали на другой хостинг и обновили средства коммуникаций.

И еще один вопрос: кто составляет списки на блокировки?

Здесь есть три вопроса:

- Насколько секретны/открыты списки?
- Каковы правила блокировки?
- Кто создает, пересматривает и контролирует эти списки?

Если "черные списки" содержат адреса сайтов, URL-адреса или любую другую идентифицирующую информацию о "злодейском содержимом", и при этом цензору не удается эффективно все это хозяйство блокировать, то получается... Получается, что для других злодеев такие списки являются наиболее полным каталогом всего запрещенного. А значит – вожделенного. И раз эти списки доступны и известны более, чем двум лицам, то все содержимое моментально станет доступной для "неопределенного круга лиц". Что, собственно, и произошло в России. Списки "блокировочек" публичны и доступны.

Следовательно, весьма хорошим аргументом будет то, что само создание таких списков (которые необходимы для схем цензуры) само по себе является причиной не вводить такие меры.

При этом, нужно отметить, что поскольку сами списки не могут быть опубликованы (по всем причинам, упомянутым выше), то общественный контроль над содержимым списков невозможен. И, следовательно, существует серьезные риски чрезмерного блокирования или блокировки контента, который никоим образом не соответствует целям блокировок. Это еще один скользкий момент: после введения такой системы все больше и больше типов контента будет блокироваться. Что мы и наблюдаем, причем не только в России – в Великобритании тоже научились линчевать негров блокировками неугодного властям контента, и даже чуточку раньше. Пусть и с другими последствиями.

Что касается правил блокировок, то часто в принципе трудно точно определить контент, который должен быть заблокирован. К примеру, в контексте детской порнографии – установление возраста человека на изображении является достаточно сложной задачей, даже для специалистов. Должны ли быть заблокированы фотографии сильно молодых, но взрослых людей? Является ли фотография порнографической, если она не сексуально откровенная, но просто изображение молодых обнаженных людей? А как насчет сексуально откровенной графики/рисунков, изображающих явно несовершеннолетних, и когда наступает тот самый момент, когда мы начнем отличать порнографию от эротики? Тысяча вопросов возникает. И тем более, для текстовых произведений. Если мы доводим ситуацию до абсурда, то, очевидно, что масса произведений искусств должна быть заблокирована. Включая "Лолиту" Набокова (номинанта Нобелевской премии по литературе). Или закрыть половину Эрмитажа:

Уильям Адольф Бугро, французский живописец, "Амур и Психея в детстве", 1889 г.

И продолжая доводить до абсурда – если просмотр заблокированного контента является незаконным, то в каких правовых рамках разработчики "черного списка" смогут его просмотреть? Если "специалисты по детской порнографии" для целей реализации своей деятельности должны были бы просмотреть весь "реестр", то они нарушают закон. При этом, если закон позволяет им сделать это, то на каких основаниях? Если "запрещенная информация" плохо для всех, то, безусловно, также плохо для "специалистов"... (и дают ли им молоко? работают ли с такими людьми психоаналитики? – сотни вопросов!).

Финальный вопрос, связанный со списком, можно сократить до известной поговорки "Quis custodiet ipsos custodes?", сиречь, "кто будет сторожить сторожей?" Люди, которые контролируют "черные списки", обладают огромной властью. И огромной ответственностью. Если никакого надзора за их деятельностью установлено не будет, то существует большая вероятность манипуляций и манкирования. Особенно, когда нет четких и конкретных критериев "запрещенного контента", которых, как выяснили выше, не бывает. Сторонники сторонних интернет-цензурных схем не совсем точно соответствуют самим себе.

Тайность "списков заблокированных ресурсов" порождают еще одну проблему – отсутствие должной процедуры. Если правила блокировки неясны и двусмысленны (но именно так и бывает), то возникает серьезная озабоченность по поводу блокировок контента, который не должен был быть заблокирован. Но как проверить правомерность блокировки заблокированного? При условии, что все же кому-то удалось надежно и однозначно что-то заблокировать, никто и не узнает, что нечто было заблокировано неправильно! При этом нужно понимать, что блокировки могут быть и не от "злого умысла", но просто следствием ошибки.

Причем, даже если предположить, что люди, занимающиеся ведением реестра, кристально честные и компетентные, то никто не застрахован от системных ошибок. И такие ошибки могут привести к серьезным финансовым потерям, ибо для того, чтобы понять, что некое содержимое Сети было заблокировано, необходимо иметь инструмент, который однозначно показывает, что – да, контент заблокирован, а не просто произошёл технический сбой, авария или ошибка персонала.

Очевидно, что финансовые потери несут вовсе не "составители черных списков". Но в этом случае, необходим доступ к этому самому "реестру" неограниченному кругу лиц, что приводит нас к очередной "логической петле" – "реестр должен быть засекречен, но доступен для всех субъектов".

Позиция "следующего парня"

В спорах между сторонниками и противниками блокировок очень трудно добиться понимания в виду того, что аргумент "блокировки будут применяться для политической цензуры и нарушения гражданских прав" довольно личный. Любой чиновник, разумеется, не желает чтобы его деятельность или позиция в итоге была криминализована. В том смысле, что почти во всех конституциях европейских стран имеется статья про запрет цензуры. Включая Российскую Федерацию, к слову.

И чиновники, разумеется, не хотят судебных разбирательств по поводу нарушения конституционных прав. Они действительно верят (возвращаю в самое начало опуса про сторонников блокировок), что делают общественно полезное дело – борются против злодеяний. В интернете. Нужно понимать, что на самом деле вряд ли у них есть мотивация использовать построенную инфраструктуру цензурирования для целей извлечения политической выгоды и блокировки неугодной информации. Ну, у большинства из них.

Потому, довольно эффективным аргументом в споре со (особенно высокопоставленными чиновниками) сторонниками блокировок являются не личностные нападки на конкретные персоналии, но отсылка на "следующего парня".

"Следующий парень" – довольно изящный способ эмоционально обезоружить оппонента в подходящей ситуации. И сводится к тому, что "ну, мы-то знаем, что вы лично не станете так поступать. Вы честный и порядочный. Но вот тот, кто придет на ваш пост следующим – у него появится возможность применять построенный вами инструмент в своих корыстных целях!". У "следующего парня" мотивация будет отличаться – это же очевидно.

В конце можно добавить: "в том числе и против вас!"

Санкционированной правительством отказ от интернет-цензуры

Один из частных случаев блокировок, которые необходимо рассмотреть: намеренный и осмысленный отказ от интернет-цензуры, санкционируемой правительством. Такая схема вводится, например, в Великобритании. Суть такова: по умолчанию блокируется доступ, например, к порнографии. Однако вы можете направить официальный запрос к оператору (или даже к соответствующему госоргану) об отказе от фильтрации контента.

Некоторые сторонники фильтрации полагают, что это может полностью решить проблемы – гражданин сам, будучи в трезвом рассудке, отказывается от "охраны" государством и в этом случае берёт все риски и опасности на себя.

Но у такого решения есть побочный эффект – "отказ от фильтрации" необходимо дать "третьей стороне", что означает раскрытие своих данных интернет-провайдеру или "оператору блокировки". Очевидно, что это не совсем то, что хотели бы сделать обыватели – получить "метку в органах". И возможно – целевую слежку.

При этом, в любом случае, финансово-экономическая сторона блокировок никуда не исчезнет – все эти системы фильтрации будет необходимо строить и обслуживать.

Потому, хорошая линия аргументации против "санкционированного отказа от фильтрации" заключается в том, чтобы предложить подобное решение, но отказаться от него. Потому что такое решение все равно приводит к плохой фильтрации "нехорошего контента" (см. про "технические аргументы") тем, кто хочет "отфильтрованного интернета", но раз отказаться от него так легко, то может быть и смысла во всём этом нет?

В конечном итоге размышления над проблемами "санкционированного отказа" приведут к единственно верному решению – фильтрацию "нехорошей информации" лучше и правильнее осуществлять на стороне клиента. Благо, что решений класса "детский интернет" существует достаточно много. И если кому-то не нравится возможность попасть на "плохие ресурсы", то эту проблему можно решить локально.

Эмоциональные аргументы

Обычно дискуссии сводятся к приведению "эмоциональных аргументов", когда оппоненты уже привели все рациональные доводы. Но тем не менее – это важные аргументы. И в качестве основной стратегии здесь лучше всего называть вещи настоящими именами.

Удаление или блокирование контента без судебного распоряжения – это цензура. Точка.

И не важно, какой контраргумент будет приводиться – можно сколь угодно долго спорить про отнесение того или иного интернет-ресурса к какой-то категории порнографии, но без открытого и состязательного суда это всего лишь спор двух точек зрения.

Проверка кто и куда ходил в интернете – это слежка. Без вариантов.

Ибо, если в "реальном мире" за вами будут наблюдать, контролировать, куда вы ходите, это и будет называться слежкой. И если ваши телефонные разговоры будут записываться и храниться полгода – тем более. Слежка.

Не может быть никакого положительного отношения к этим методам и противники цензуры могут и должны широко говорить о сути этих идей. Опять же, использование метафоры "вскрытия писем в почтовом отделении" вполне корректно для передачи всей серьёзности проблемы.

Исходя из стоимости решений "фильтрации и блокировок", можно привести эмоциональный довод о том, что средства из бюджета, израсходованные на блокировки, могут быть гораздо эффективнее потрачены, например, в больницах, программах безопасности дорожного движения, детских домах. Нет недостатка в проблемах, которые нуждаются в решении, и деньги должны идти туда, вместо того чтобы финансировать морально и юридически сомнительные, технологически неосуществимые идеи, которые прямо противоречат Конституции.

Вполне корректно утверждение, что **цензура в Интернете является коллективным наказанием** – все интернет-пользователи и интернет-компании наказываются за действия небольшой группы преступников. Деньги и ресурсы, используемые для интернет-цензуры, вместо этого должны использоваться для наказания виновных, а не широкой общественности.

Очевидно, что против интернет-цензуры будут выступать общественные организации, которым схемы блокировок мешают эффективно работать. Например, упомянутые уже схемы торговли наркотиками через интернет не решаются блокировками. Необходимо бороться с наркоторговцами, а не с потоками информации, которые они порождают. Аналогично с детской порнографией или с интернет-мошенниками. Или с так называемым "экстремизмом", фейковыми новостями или "хейт-спич". Предполагаем, что наличие всевозможных общественных организаций в качестве союзников чрезвычайно эффективно. Или по меньшей мере, не повредит.

Если все приведённые выше доводы терпят неудачу и аргументы "ad ratio" не находят отклика, то, в крайнем случае, можно приводить аргумент "ad personam". Или "переход на личности". Мы делаем вывод, что данный конкретный сторонник интернет-цензурных мер имеет скрытые мотивы или корыстные цели. И возможно даже преступные.

Однако, использование перехода на личности нецелесообразно, особенно в начале дискуссии, поскольку оно гарантирует, что такой человек (и их сообщество), безусловно, станет враждебным и даже более сильным сторонником мер цензуры, чем раньше. Использование этого аргумента вообще не рекомендуется.

Полезные аналогии

Иногда необходимо объяснить специфические технические понятия неспециалистам. Думаю, что эти аналогии помогут в передаче технических терминов "простым языком".

IP-адрес: физический почтовый адрес. По одному адресу могут находиться, например, множество различных предприятий и/или физических лиц (то есть, доменов).

Доменное имя: имя (деловое или личное), которое идентифицирует конкретный бизнес или человека по определённому физическому адресу (то есть, IP-адресу).

Разрешение доменного имени (резолвинг): процесс определения конкретного физического адреса (IP-адреса) по имени или названию. Иначе мы не узнаем, куда пересылать пакеты (то есть, данные).

DPI – Deep packet inspection (глубокая проверка/инспекция пакетов): на примере обычной "бумажной почты" – нужно вскрыть конверт и прочитать содержимое, чтобы иметь возможность решить, следует ли его подвергать цензуре (в отличие от простого чтения адресата и данных отправителя, доступных на конверте).

Прокси-сервер: опять на примере "бумажной почты" – вы просите кого-нибудь отправить ваш пакет (т. е. данные) и передать вам ответ получателя.

HTTPS: последняя буква "S" означает "secure" – секретный. Все ваши пакеты-данные шифруются, прежде чем быть отправленными. И дешифроваться могут только получателем, потому что он знает

пароль.

Man-in-the-Middle: (Человек-посередине): Процесс, когда злой хакер вскрыл пароль одной из сторон, получает зашифрованные пакеты, открывает их, читает, а потом снова шифрует с помощью известного пароля и отправляет адресату. Обычно вскрывающий пытается сделать это тайно, чтобы ни отправитель, ни адресат не знали о том, что их переписку читают.